

РЕЦЕНЗИИ

ОСТАВАЯСЬ ВЕРНЫМ ТЕМЕ

Л. СОЛНЦЕВА

Ленинградский театр имени Ленсовета привез на гастроли в Москву восемь спектаклей. Большинство из них посвящено современности, действие некоторых разворачивается в Ленинграде, а такие, как «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Мой бедный Марат» А. Арбузова, «Остается час» А. Корина, «Жестокость» П. Нилана, начали сценическую жизнь именно в этом театре. Но объединяет их не только это. Внешне несхожие между собой, они имеют единый явственный смысл. Он в открытой позиции самого театра. Эта позиция в активном воздействии на своего зрителя, в намеренном заострении внимания на проблемах формирования нравственного облика человека социалистического мира.

Главное для театра то, что он, театр, скажет сегодня пришедшему в зрительный зал современнику. Поэтому в каждом спектакле, исполненном актерами лучше или хуже, поставленном режиссером удачнее или неудачнее, оформленном художником изобретательно или менее изобретательно, присутствует заинтересованность в том, чтобы как можно эффективнее воздействовать на духовный мир своего современника.

«Человек со стороны» И. Дворецкого (постановщик И. Владимиров, художник С. Мандель, режиссер И. Машкин) — наиболее цельный в этом смысле спектакль. Его герой Чешков в исполнении Л. Дьячкова — человек принципиальных убеждений и позиций, человек дела. И театр настойчив в утверждении его, в вере этому герою. Думаю, в этой вере — путь к герою нового типа.

Если бы рядом с этим спектаклем в репертуаре не стоял «Жестокость», «Мой бедный Марат» или «Остается час», победа Чешкова не выглядела бы, пожалуй, столь закономерной, как это воспринимается сейчас. Именно в этих спектаклях мы видим воочию путь дорогого театру героя, воплощающего нравственные принципы нового общества на разных этапах жизни Советского государства — в момент борьбы с кулачеством («Жестокость»), Великой Отечественной войны («Мой бедный Марат») или мирных будней («Остается час»), ощущаем цену этой выкованной в борьбе нравственной правды коммунистов.

Не случайно же в спектакле «Жестокость» (режиссер Г. Оворков, художник И. Бирюла, художественный руководитель постановки И. Владимиров) одной из центральных стала сцена комсомольского собрания сибирского

укома. В жарком споре конкретизируется моральная ценность революционных истин, вынашиваемых героями Вениамином Малышевым (арт. Л. Дьячков) и его другом (арт. Д. Барков).

«Мой бедный Марат» в этом театре значительно суровее, чем пьеса, за счет почти документального воссоздания блокады Ленинграда. Это важно исполнителям (Лика — А. Фрейндлих, Марат — Д. Барков, Леонид — Л. Дьячков), составившим здесь авасамбл виртуозов, и постановщику И. Владимирову для показа стойкости героев, их высокой нравственной чистоты.

Хочу несколько подробнее остановиться на спектакле «Остается час» молодого ленинградского драматурга А. Корина (постановщик И. Владимиров, режиссер Н. Райхштейн), который, по сути, продолжает ту же тему нравственного формирования человека нового мира, но рассматриваемую на этот раз на материале жизни одного человека.

В центре спектакля судьба старого мастера крупного завода Юрия Александровича Щербанова, которую театр поручает исследовать старшему актеру театра О. Кагану.

Образ завода и интерьер квартиры Щербанова решен художником А. Медковым как неразрывное целое. Общественные проблемы и частная жизнь человека здесь неразрывны. Артист О. Каган обладает несколькими кокетливой манерой общения, которую можно принимать или отвергать, но отказать актеру в умении владеть тонкостью психологических мотивировок поступков героя, в мягкой человечности нельзя. Благодаря этим качествам актера спектакль, несмотря на схематичность ряда образов, привлекает мягким лиризмом и добротой.

Обращение к роману Достоевского «Преступление и наказание» связано с поисками театра соотношения классического наследия и современности.

Постановщик спектакля И. Владимиров, режиссер Л. Дьячков, художник М. Китев, композитор В. Гаврилин достигли в нем большого единомыслия. Пространство сцены является собой глубокую метафору — срез человеческой убогости в клетках этажа, клочки некогда существовавшего быта. Автор явсценировки И. Владимиров подчинил изложение хода событий главной теме — самоанализу Раскольникова.

Образ Раскольникова в исполнении Л. Дьячкова поистине центральный. На нем сходятся все нити действия. Все, что он делает, подвергается им же самым жестоко-

му анализу. Он конденсирует в себе людские беды и ищет, ищет решительно избавления от них. И, наконец, берется за их искоренение сам. Человеческий муравейник, который его окружает и который оживает постановщиком в самые кульминационные моменты спектакля, воспринимается им как скопище человеческих бед.

Раскольников Дьячкова выходит на суд зрителя, уже совершив убийство. Он делает все, чтобы убедить себя в правоте содеянного. Но при встрече с Соней Мармеладовой вся эта выстроенная теория вдруг утрачивает смысл. Образ Соня в исполнении Г. Никулиной обретает осо-

бого рода нравственный смысл. Возникнув перед Раскольниковым на той же громады человеческих мук, которую он хотел разнести своей волей, эта Соня вдруг лишает его уверенности в правоте содеянного.

Показанные на гастролях спектакли создают впечатлительные внутренней слаженности, творческой работоспособности коллектива. Рядом с дарованием Алисы Фрейндлих, которое в каждом спектакле — от «Варшавской мелодии» Зорина до «Укрощения строптивой» Шекспира — расцветает будто заново, интересно развиваются творческие индивидуальности артистов Л. Дьячкова и Д. Баркова; различные грани мастерства показывают артисты О. Каган, А. Равинович, А. Розанов, А. Петренко, Е. Каменецкий, А. Пузырев, Г. Никулина, Л. Леонова и другие. И в том, как разнообразно проявляют себя от спектакля к спектаклю актеры, сказывается эффект присутствия художественного руководителя театра Игоря Владимировича.

В спектакле «Человек и джентльмен» Эдуардо Де Филиппо, в подходе к «Укрощению строптивой» Шекспира видно приращение театра и к комедии, но иногда с утратой меры вкуса.

Очень жаль, что московские гастроли театра проходят без показа новых работ нынешнего сезона, что нельзя не поставить коллективу в упрек. В то же время нельзя не отдать должное способности театра делать жизнь спектаклей долговечной, сохраняя свежесть их активного воздействия на зрителя. И потому главное — не утратить в будущем набранного темпа, оставаться верным своей теме.